

СТРАТЕГИЯ ДИСКУРСА

УДК 101.2
ББК 60.0

А.В. Гогнога

ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИДЕАЛИСТИЧЕСКОГО И МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ

Предпринята попытка оценить прогностический потенциал материалистического и идеалистического понимания истории. В качестве объектов сравнительного анализа взяты исторические концепции Гегеля и Маркса. Выбор этих концепций обусловлен общностью используемого в них метода – диалектики. Показано, что материалистическое понимание истории дает верные прогнозы, актуальность которых сохраняется и сегодня, тогда как философия истории Гегеля оказывается полностью сфальсифицированной.

Ключевые слова:

идеалистическое понимание истории, научные законы, материалистическое понимание истории, прогноз, фальсификационизм.

Было бы очень самонадеянно пытаться поставить точку в дискуссии по поводу основного вопроса философии, продолжающейся долгие тысячелетия. Мы трезво оцениваем свои возможности и не претендуем на нечто большее, чем сравнить прогностический потенциал теорий, основывающихся соответственно на принципах идеалистического и материалистического монизма.

Для сравнения теорий воспользуемся концепцией фальсификационизма К. Поппера. Как известно, последний предлагал подвергать теории дедуктивной проверке. Среди возможных способов дедуктивной проверки он выделял следующие: 1) тест на внутреннюю непротиворечивость; 2) тест на эмпиричность/тавтологичность; 3) тест на прогрессивность; 4) тест на «предсказания». Приоритет отдавался тесту на «предсказания». Суть его состоит в том, что выводимые из теории «сингулярные высказывания» (логические следствия) соотносят с эмпирическими данными. Однако полностью верифицировать (подтвердить) научную теорию крайне проблематично, поскольку необходимо бесконечно «подкреплять» ее эмпирическими данными. Напротив, достаточно одного факта, противоречащего какому-либо теоретическому «предсказанию», т.е. его фальсифицирующего, чтобы пос-

тавить всю теорию под сомнение. Именно поэтому К. Поппер отдает предпочтение принципу фальсификации, а не верификации [11, с. 29–30].

Правда, от сомнения до признания теории фальсифицированной (что нельзя путать с принципиальной фальсифицируемостью любой научной теории) пролегает определенная дистанция. Вслед за К. Поппером «мы будем считать ее фальсифицированной только в том случае, если нам удастся открыть воспроизводимый эффект, опровергающий теорию» [11, с. 79].

Любая научная теория, согласно К. Попперу, представляет собой систему что-либо запрещающих универсальных высказываний. Последние суть научные законы. Неокантианцы и их последователи обычно утверждают, что не существует никаких законов истории, а потому нельзя к историческому познанию подходить с критериями наук о природе. Однако, как убедительно показал К. Гемпель [4], любое историческое объяснение возможно только тогда, когда оно предполагает наличие некоего закона (универсального высказывания). Иллюзия отсутствия каких-либо законов возникает из-за того, что многие исторические объяснения представляют собой «скетчи», из которых выпадают формулировки самих законов. Полная же логическая форма объяснения требует экс-

пликации этих законов, к чему историки прибегают крайне редко.

Важным также является замечание К. Гемпеля о том, что логическая структура научного объяснения ничем не отличается от таковой в случае научного предсказания (прогноза). Иначе говоря, между научным объяснением и предсказанием существует «логическая симметрия» [1, с. 46], поскольку любое научное объяснение есть «предсказание» задним числом, тогда как любое научное предсказание есть «объяснение», апеллирующее к законам науки.

Относительно методологии оценки прогностического потенциала сравниваемых теорий исторического процесса мы можем заключить следующее. Во-первых, научная теория исторического процесса должна устанавливать законы истории. Во-вторых, с помощью этих законов научная теория должна объяснять и прогнозировать исторические события или процессы. В-третьих, опровержение исторических прогнозов фальсифицирует научную теорию. Данные выводы позволяют нам определить само понятие исторического прогноза. Под историческим прогнозом следует понимать высказывание о будущих явлениях, которое: а) имеет под собой теоретическое обоснование, т.е. с логической необходимостью вытекает из научных законов; б) фальсифицируемо в принципе.

Для решения поставленной задачи требуется сравнить такие исследования, которые были бы наиболее репрезентативными соответственно для идеалистического и материалистического направлений социально-философской мысли. На наш взгляд, на эту роль могут претендовать труды Гегеля и Маркса. В пользу выбора для сравнительного анализа теорий упомянутых авторов говорит тот факт, что оба мыслителя использовали диалектический метод. Поскольку метод как фактор, влияющий на результаты прогнозирования, один и тот же, то это дает нам полное право связать с материалистическим или идеалистическим мировоззрением превосходство в прогностической силе той или иной теории.

Философия истории Гегеля изложена в его курсе лекций под одноименным названием. Общие же положения материалистической философии истории Маркса содержатся в его известном Предисловии к «Критике политической экономии» [7, с. 6–8]. Однако в развернутом виде Марксова историософская концепция представлена в «Капитале».

Сравнивая же «Философию истории» Гегеля и «Капитал» Маркса, нельзя не заметить значительные методологические различия. В «Капитале» исторический аспект изучения предмета подчинен логическому [2, с. 360]. Общая же характеристика «Философии истории» – описательность. Читатель, знакомый с гегелевской «Наукой логики», испытывает полное недоумение, когда в надежде увидеть, как эта «наука» работает применительно к такому сложному предмету, каким является история, он обнаруживает нелепую подгонку исторических фактов, часто искаженных, превратно истолкованных, под априорно заданную историческую схему. Вместо развертывающейся с логической необходимостью системы строгих исторических категорий мы встречаем избирательное извлечение исторических сюжетов с одной лишь целью – доказать, что целью исторического развития человечества является величие германского мира, в котором только и обретает полную свободу дух. На этом история заканчивается.

Зафиксируем исходные положения гегелевской философии истории [3, с. 70–71]: 1) свобода есть субстанция духа; 2) дух есть субстанция всемирной истории; 3) всемирная история есть процесс самосознания духа; 4) самосознание духа есть свобода. В итоге мы получаем тавтологию: свобода есть свобода. Таким образом, философия истории Гегеля представляет собой тавтологическую систему спекулятивных суждений о всемирной истории, выстраиваемых вокруг неопределяемого понятия свободы. Выражаясь языком Гегеля, его философия истории есть «у себя бытие», т.е. такое знание, которое свободно от соприкосновения с реальной исторической действительностью, от каких-либо исторических условностей.

Итак, гегелевская философия истории не имеет эмпирических предпосылок, на что указывает ее тавтологичность. Попутно заметим, что этот недостаток, т.е. отсутствие предпосылок, характерен и для системы диалектической логики, как она представлена в «Науке логики» [2, с. 67].

Маркс, как известно из «Немецкой идеологии», эмпирические предпосылки истории выделяет. К ним, напомним, относятся «телесная организация» и обусловленное ею отношение человека к природе. В «Капитале» предметом исследования является не всемирная история вообще, а капиталистический способ производства. Поэтому в качестве предпосылки здесь не может выступать «телесная организация»

человека или отношение человека к природе, поскольку в таком случае игнорировалась бы диалектика всеобщего, особенного и единичного. Как у отдельной стадии всемирной истории, у капитализма есть особенная предпосылка. Как у прогрессивной по отношению ко всем предшествующим стадиям исторического развития, у капитализма есть такая особенная предпосылка, которая в то же время уникальна, специфична, предопределяет только историю капитализма и никакой другой этап всемирной истории. Такой предпосылкой выступает товар. Проглядываются ли за данной предпосылкой отношение человека к природе, его «телесная организация»? Последняя есть предпосылка экономики вообще, тогда как товар – предпосылка капиталистической экономики в частности. Следовательно, да, проглядывается. В «Капитале», таким образом, Маркс развивает и углубляет материалистическое понимание истории.

По Гегелю, всемирная история делится на три прогрессивнее стадии развития духа: 1) восточный мир, 2) греческий и римский миры, 3) германский мир [3, с. 72]. Само это всемирно-историческое движение в сфере духа вызвано противоречием двух диалектических моментов: 1) всеобщей «идеи» («субстанциальной» свободы) и 2) человеческих «страстей» («субъективной» свободы). Это противоречие «снимается» в их «конкретном» синтезе, каковым выступает «нравственная свобода государства» [3, с. 76]. В «нравственной свободе государства» обретается единство «субстанциальной» и «субъективной» свободы духа [3, с. 148].

Гегель особо подчеркивает, что «духовный мир есть субстанциальный мир», тогда как «физический мир» является «не истинным», поскольку подчинен первому [3, с. 72]. Маркс в упомянутом Предисловии к «Критике политической экономии», напротив, утверждает, что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [7, с. 7].

«Механизм» прогресса мирового духа у Гегеля неясен. Дело в том, что невозможно научно объяснить движение духа, а также отсутствие сознания свободы у одних народов, и, напротив, высокий уровень сознания свободы у других, исходя лишь из посылок бытия духа у самого себя, т.е. эмпирически непроверяемого суждения. И

надо заметить, что Гегель, хотя и признан наиболее последовательным идеалистом, не смог удержаться от того, чтобы не подкрепить свою историософскую концепцию аргументами, нарушающими принцип монизма. Так, пытаясь растолковать, почему славянские народы не приняли реформации, «все преобразующее солнце» которой возшло над германскими народами, он предлагает совершенно неуместное (с точки зрения идеализма) материалистическое объяснение, апеллирующее к роду хозяйственной деятельности славянских народов [3, с. 426]. Концепция Гегеля, таким образом, теряет внутреннюю стройность. Наконец, о какой-либо логической последовательности приходится вообще забыть, когда речь заходит о роли фактора «крови» в распространении реформации. Распространению последней способствует «цельность духа», а этим свойством характера обладает только германская нация. Что касается романских народов, то этого качества они определено лишены, поскольку как народы образовались в результате смешения римской и германской «крови» [3, с. 427].

Какова же прогностическая сила гегелевской философии истории? Даже если бы Гегель не прибегнул к «материалистическим» аргументам, чтобы доказать историческое превосходство германского мира над всеми остальными, имеющаяся в его концепции методологическая установка на конец истории лишает ее способности прогнозировать исторический процесс. Провозглашение же прусской монархии в качестве вершины всемирно-исторического развития и идеала всеобщего государственного строя иначе как курьезом не назовешь.

В отличие от историософской концепции Гегеля «механизм» Марксова «Капитала» прозрачен и понятен. Как уже отмечалось, исторический аспект в исследовании здесь подчинен логическому. Однако Маркс начинает анализ с товара как не только логической, но и исторической предпосылки капиталистического способа производства. Это значит, что товарное производство существовало и до капитализма, хотя и в неразвитой форме. Более того, вскрывая присущий капиталистическому обществу товарный фетишизм, Маркс делает экскурс в историю с целью продемонстрировать преходящий характер товарного производства вообще, а не только его наиболее развитой, капиталистической, формы. Это дает возможность проследить, как сначала отношения

личной зависимости вырастают из непосредственно общественного производства первобытного общества, постепенно вытесняя и подчиняя элементы последнего; как затем по мере роста товарного производства отношения личной зависимости (внеэкономического принуждения) сменяются отношениями экономической зависимости; наконец, как «самая всеобщая и неразвитая форма буржуазного общества» [8, с. 92], каковой является форма товара, превращается в капитал. И все это лишь прогрессивные стадии «предыстории», «царства необходимости». Здесь нет места «солнцу внутренней свободы», как наивно полагал Гегель, зато есть серьезные внутренние противоречия, которые толкают человечество вперед по пути прогресса. Эти противоречия имеют материальную природу, возникают в сфере материального производства. Следовательно, и историческое развитие возможно постольку, поскольку «снимаются» материальные противоречия. Капиталистический способ производства доводит указанные противоречия до исторического предела в том смысле, что их диалектическое снятие означает не просто еще один шаг в темном лабиринте «царства необходимости», а выход из него в «царство свободы». Только тогда человечество наконец-то избавится от терзавших его всю «предысторию» форм отчуждения, фетишизма и эксплуатации. Такова логика истории с материалистической точки зрения.

В упрек Марксу часто ставится то, что он серьезно ошибся в прогнозах относительно будущего капитализма. Ошибочные прогнозы бросают на открытые классиком законы истории вплоть до их полного отрицания. Так ли это? Обратимся к рассмотрению этих законов и сделанных на их основе прогнозов.

Пожалуй, центральным пунктом в материалистическом понимании истории выступает закон прогрессивной смены общественно-экономических формаций (способов производства). С точки зрения критиков «историцизма» данный «закон» в лучшем случае можно сформулировать как тенденцию. Как подчеркивал К. Поппер, тенденция есть экзистенциальное суждение, которое нельзя опровергнуть, тогда как закон – универсальное суждение, попадающее под действие принципа фальсификации [10, с. 34]. Поэтому напрашивается вывод, что формационная теория Маркса никакого исторического закона не формулирует, следовательно, научной не является. Думается, что это не так. Формально-

логическое решение этой надуманной, как нам кажется, проблемы представляется очень простым: экзистенциальное суждение переформулируется в универсальное. Прделав указанную операцию, получаем такое высказывание: «Все общественно-экономические формации прогрессивно сменяют друг друга». Следовательно, фальсифицирующим закон смены общественно-экономических формаций можно считать утверждение, что нет ни одной более прогрессивной общественно-экономической формации, которая бы могла прийти на смену капитализму. Таким образом, формационная теория является научной.

Однако научность формационной теории вовсе еще не означает, что ее прогноз не опровергнут. Казалось бы, исторический опыт СССР заставляет нас признать данную теорию сфальсифицированной. Против этого мнения, напрашиваются два суждения: во-первых, вопрос о том, был ли общественный строй в СССР более прогрессивным по отношению к капитализму, остается дискуссионным; во-вторых, как следует из концепции фальсификационизма К. Поппера, единственный случай, опровергающий теорию, нельзя считать репрезентативным, т.е. достаточным для того, чтобы отклонить теорию как сфальсифицированную. Сказанное позволяет сделать вывод, что закон прогрессивной смены общественно-экономических формаций не опровергнут.

Итак, фальсифицирующие закон прогрессивной смены общественно-экономической формации гипотезы пока ничем не подкреплены. Раз так, то у нас есть основания полагать, что упомянутый закон прошел тест на истинность.

Действие закона прогрессивной смены общественно-экономической формации объясняется другим законом истории – законом соответствия производственных отношений производительным силам. В известном Предисловии «К критике политической экономии» данный закон сформулирован следующим образом: производственные отношения «...соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил» [8, с. 6]. Переформулировав его так, как того требует концепция фальсификационизма К. Поппера, получаем такое утверждение: «Во всех обществах производственные отношения соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил». Будучи универсальным высказыванием, оно отрицает существование такого общества, в котором бы

производственные отношения не соответствовали определенной степени развития их материальных производительных сил. Следовательно, фальсифицирующей гипотезой является суждение, что есть общество, в котором производственные отношения не соответствуют их материальным производительным силам.

В истории человечества мы не найдем примера, когда бы феодальные отношения развивались на основе производительных сил рабовладельческого общества, а капиталистические – на основе производительных сил феодального общества. На это можно возразить, указав на существование тех или иных форм производственных отношений, не характерных для определенной общественно-экономической формации. Однако все эти фрагментарные производственные отношения соответствуют столь же фрагментарным производительным силам. Другими словами, все исторические примеры свидетельствуют лишь о многоукладности известных общественно-экономических формаций. С другой стороны, попытки искусственно внедрить и развить более прогрессивные формы производственных отношений на основе менее прогрессивных производительных сил в любом обществе обречены на исторический провал. Таким образом, XX век дает нам надежное подкрепление закона соответствия производственных отношений производительным силам в виде подтвердившегося прогноза.

В свою очередь развитие производительных сил определяется законом воз-

растания материальных потребностей, суть которого Маркс раскрыл в «Немецкой идеологии»: «сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретённое орудие удовлетворения ведут к новым потребностям...» [6, с. 27]. Закон сформулирован достаточно ясно и корректно даже по меркам придирчивого позитивиста. Подкрепить же его эмпирическими фактами в эпоху «общества потребления» не составляет труда. Наконец, объяснение этому закону мы находим в «телесной организации» человека. Таким образом мы возвращаемся к самой предпосылке материалистического понимания истории, к его основам.

Резюмируем результаты сравнительного анализа идеалистической философии истории Гегеля и материалистического понимания истории Маркса в точном соответствии с дедуктивной моделью проверки теорий, предложенной К. Поппером. Историческая концепция истории Гегеля не выдержала испытания ни по одному из четырех тестов (на внутреннюю непротиворечивость, эмпиричность/тавтологичность, прогрессивность, способность давать «предсказания»). Напротив, материалистическое понимание истории является теорией 1) внутренне непротиворечивой, 2) эмпиричной, 3) прогрессивной, 4) «предсказывающей». Это позволяет нам категорически не согласиться с аттестацией К. Поппером «соединения диалектики и материализма» как варианта «даже худшего», чем «диалектический идеализм» [11, с. 546].

Список литературы:

- [1] Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. – 416 с.
- [2] Вазюлин В.А. Логика «Капитала» Карла Маркса. – М.: Современный гуманитарный университет, 2002. – 390 с.
- [3] Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. – СПб.: Наука, 2000. – 490 с.
- [4] Гемпель К.Г. Функция общих законов в истории // Вопросы философии. – 1998. – № 10. – С. 88–97.
- [5] Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 328 с.
- [6] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 3. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 630 с.
- [7] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 13. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. – 771 с.
- [8] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 23. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – 908 с.
- [9] Поппер К. Логика научного исследования. – М.: Республика, 2004. – 447 с.
- [10] Поппер К. Нищета историцизма // Вопросы философии. – 1992. – № 10. – С. 29–58.
- [11] Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 638, [2] с.